

ры. Его отец, крупный религиозный философ С. Н. Трубецкой (1862—1905), был ректором Московского университета; дядя Е. Н. Трубецкой (1863—1920) развивал учение Вл. Соловьёва о всеединстве и умер от тифа в Новороссийске накануне его оставления белыми. Сам Николай Сергеевич ещё до 1917 г. опубликовал ряд серьёзных работ по северокавказской и финно-угорской филологии. В годы гражданской войны Н. С. Трубецкой уехал на Юг — в области, занятые Добровольческой армией, а в 1920 г. вместе с её остатками оказался в Болгарии. Здесь и вышла его первая книга по евразийской проблематике — *«Европа и человечество»* (Трубецкой 2007 {1920}), едва ли не ставшая отправной точкой всего движения. В тот момент, как напоминает Леонид Люкс (1993: 112) из Кёльнского университета, автору не исполнилось и 30 лет, а его коллеги по «цеху» были и того моложе.

Оставшиеся 18 лет жизни он был профессором славистики — в Софии, Праге, наконец, в Вене. Кроме того, часть его важнейших трудов была напечатана в Берлине и Париже. Если его «евразийские» идеи остаются весьма спорными, то его заслуги как филолога бесспорны. Вместе с другим эмигрантом, Романом Осиповичем Якобсоном, кн. Трубецкой стоял в центре Пражского филологического кружка, вместе с ним стал основоположником целых двух научных направлений: фонологии (науки о звуковом составе языка) и (вслед за И. А. Бодуэном де Куртенэ и Ф. де Соссюром) структурной лингвистики. Его идеи сыграли огромную роль в становлении структурализма.

Конец его жизни был трагичен: после аншлюса Австрии он оказался «на крючке» у гестапо, и частые грубые обыски довели его до инфаркта и смерти в 48-летнем возрасте³². Не последнюю роль в этих преследованиях сыграла публикация им статьи *«О расизме»* (Трубецкой 2007 {1935}), в которой он решительно отмежевался от гитлеровской идеологии и практики в «расовом вопросе» (Шнирельман 2000: гл.5).

Л. Н. Гумилёв воздал ему должное буквально за год до смерти. В *«Нашем наследии»* он опубликовал статью с подзаголовком, говорящим многое: *«Историко-философские сочинения князя Н. С. Трубецкого (заметки последнего евразийца)»* (Гумилёв 1991 а). А это заставляет присмотреться: что же такое евразийство, в чём его пафос, его сильные и слабые стороны? Как и почему оно возникло, как и почему исчезло (и исчезло ли), почему Л. Н. Гумилёв был уверен, что он в этом ряду — последний, и был ли он в этой уверенности прав?

II.5. Циклизм

Однако евразийством источники идей Л. Н. Гумилёва не ограничиваются. В классификации антропологических теорий, предложенной Л. С. Клейном (В печати, гл. XIV, 1), он занимает место среди циклистов. Это значит, что его теория опирается, в числе прочих, на следующие основополагающие принципы:

- 1. Нет смысла говорить о единой мировой цивилизации. Вместо этого в истории человечества мы видим ряд равноправных цивилизаций, более или менее изолированных друг от друга.
- 2. Тем не менее, хотя цивилизации изолированы, но едины законы, управляющие их развитием.

³² <http://www.kulichki.com/~gumilev/TNS/tns00.htm>

- 3. Под действием этих законов все цивилизации проходят один и тот же путь, но не одновременно, а каждая — в свой черёд.
- 4. Этот путь включает восходящую и нисходящую фазы с более или менее чёткой границей между ними («надлом»).
- 5. Поэтому более развитые цивилизации — не авангард человечества: они близятся к упадку, и «здоровые варвары» могут рассчитывать на их наследство.
- 6. Поскольку цивилизации замкнуты и самодостаточны, а стадии их развития не совпадают по времени, любые взаимные влияния культур либо опасны, либо — по меньшей мере — представляют собой сложную проблему.
- 7. Ни «цели истории», ни смысла исторического процесса как единого целого не существует.

По всем этим причинам у данной группы теорий есть несколько вариантов названия: **концепция параллельных (или эквивалентных) культур, культурный релятивизм, циклизм, концепция становления и упадка**. И если евразийцы и признавали человечество пустой абстракцией («Я отрицаю возможность общечеловеческой культуры (см. мою книжку “Европа и Человечество”, а также статью “Вавилонская башня и смешение языков” в “Евразийском временнике”, III)» — Трубецкой 2007 б {1927}; 554), то идея повторяющихся исторических циклов не была у них в центре внимания.

Первую циклическую теорию выдвинул неаполитанский историк Джамбаттиста Вико (Vico, 1668—1744). В своём труде «Новая Наука» он доказывал, что культура проходит три стабильные фазы: «Век Богов», «Век Героев» и «Век Людей» — по господствующей в каждой фазе мифологеме: воспринимается ли социальный порядок как данный людям свыше (не всё ли равно, божественной волей или объективными законами материальной природы?), установленный отдельными личностями с героическими (то есть сверхчеловеческими) свойствами или же волей самих людей — их совместными усилиями и частными интересами. Основой для Вико послужило сравнение античного и современного (начиная со средневековья) циклов европейской истории, с другими культурами он не был знаком. В эпоху Просвещения его труд пришёлся не ко времени и пролежал под спудом почти сто лет, пока на него не обратил внимание Гегель. Вико оказался не основоположником циклизма, а лишь его отдалённым предтечей.

Однако мировым центром циклизма стала первая страна, вставшая на «догоняющий» путь развития, — Россия (Клейн: В печати, гл. XIV, 2). Уже Иван Грозный в своих посланиях пустил в ход патриотический миф об «изрушившемся» (в терминах С. С. Уварова, идеолога режима Николая I, — «гнилом») Западе. Это было логичным следствием концепции «третьего Рима», в то время уже практически официальной:

«Представление о России как о единственной в мире стране, сохранившей правую веру, было весьма величественно, но и весьма ответственно. Если истина сосредоточена у нас, а весь окружающий мир духовно “изрушился”, то, строя своё государство, русские должны идти каким-то совершенно своеобразным путём, а на чужой опыт опираться лишь в очень ограниченной степени — как на опыт отрицательный» (Дурье 1981: 230).

Князь Михаил Михайлович Щербатов (1733—1790), потомок князей Черниговских, резко критиковавший режим Екатерины II с позиций старой знати, в сочинении «*О повреждении нравов в России*» впервые теоретически поставил вопрос: должна ли Россия догонять Европу — или является особой страной, для которой европейские стандарты не обязательны? При этом однозначного ответа он не даёт, допетровскую Русь не идеализирует (сравнивает её даже с большим деревом) и пользы европеизации не отрицает. Его претензии к Петру в другом: излишняя поспешность реформ привела целую страну к культурному шоку — «повреждению нравов», когда старые нормы были подорваны, а новые не успели прижиться. Картину этого культурного шока Щербатов и рисует — почти за сто лет до того, как К. Оберг ввёл в антропологию само это понятие.

Как и Дж. Вико, М. М. Щербатов не оказал влияния на современников: его труд писался «в стол» и был опубликован лишь в 1860-х годах. Но его внук, Пётр Яковлевич Чаадаев (1794—1856), в своём «*Первом Философическом письме*» (1831) вынес вопрос на публичное обсуждение. Почва для него уже была подготовлена борьбой между прозападно настроенными «карамзинистами» и «младоархаистами» — поклонниками славянских традиций. К этому кружку принадлежали П. А. Катенин, П. А. Корсаков, А. А. Жандр, В. К. Кюхельбекер, к ним был близок А. С. Грибоедов (Фомичёв 2007: 240) — вспомним хотя бы монолог Чацкого о «французике из Бордо» (Горе от ума, финал 3-го действия).

Спор вокруг чаадаевского «*Письма*» расколол русскую публику на западников и славянофилов. Последние выдвинули целый ряд теорий, в которых либо обосновывался «особый путь» России, которая-де ещё скажет Западу некое «новое слово», либо доказывалось, что за Россией — преимущества молодости, а её «варварство» — на самом деле кипение свежих сил, ещё способных «вливать вино молодое в мехи ветхие» Запада (Матф. 9:17; Марк 2:22; Лука 5:37). Достаточно назвать Н. Я. Данилевского с его идеей культурно-исторических типов³³, К. Н. Леонтьева, идеи евразийцев — князя Н. С. Трубецкого, Г. В. Вернадского, Л. П. Карсавина, «идеалистический циклизм» Питирима Сорокина, «националистический циклизм» Л. Н. Гумилёва (см.: Клейн, В печати, гл. XIV). Судя по некоторым последним работам (Ляпин 2007), новые циклические теории продолжают появляться, и по-прежнему в России³⁴.

³³ Параллели между учениями Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера столь велики, что можно подозревать прямые заимствования. Правда, К. А. Свасьян (1993: 18) указывает, что немецкий перевод книги Данилевского вышел лишь в 1920 г. — через два года после первого тома «*Заката Европы*». Но если и не ставить вопрос о прямом плагиате (там же, 17), то нельзя исключить, что Шпенглер мог быть знаком с «носившейся в воздухе» идеей по устным пересказам, и тем более — что схожие идеи могут возникать одновременно и независимо друг от друга у разных авторов, работающих в одном и том же интеллектуальном климате. История как науки, так и религии полна таких примеров, нередко перерастающих во взаимные упреки. Достаточно вспомнить конфликт между Ньютоном и Лейбницем из-за того, кто из них открыл дифференциальное исчисление, или между И. Р. Пригожиным и Г. Хакеном — об авторстве синергетики.

³⁴ Позволю себе личное отступление — не для того, чтобы, по М. М. Жванецкому («*Аркадий Райкин*»), «царапать ногтем своё имя на этом постаменте», а для того, чтобы возможным критикам были ясны вненаучные мотивы этой работы — для облегчения операции «вскрытия авторского лица» (Ильф И., Петров Е. *Отдайте ему курсив*). Да не подумает никто о снобизме: автор этих строк сам начинал с таких же теорий (Мосионжник 1987; 1988). В этих работах я пытался вывести циклы истории Китая, исходя из перипетий отношений между двумя силами: чиновниками-державниками и помещиками — частными собственниками. Получалась вполне убедительная модель трёх полных циклов: от Цинь до падения Южных Дворов (221 г. до н. э. — 589 г. н. э.), от Суй до Юань (581—1368 гг.), от Мин до Цин (1368—1911 гг.). Циклы эти были сведены в убедительную таблицу. Причём эта модель вполне уклады-

На этом фоне признанные классики циклизма — Освальд Шпенглер и Арнольд Джозеф Тойнби — выделяются скорее большей известностью, чем принципиальной новизной. Тем не менее именно их труды вошли в «золотой фонд» мировой философии, и именно им удалось разработать циклические теории в наиболее чистом виде. Возможно, это было связано с тем, что они были лишены мессианских надежд славянофилов и их духовных наследников. Подробно пересказывать суть учений О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби нет смысла: их работы доступны широкой публике и не раз служили темой для обсуждения. Однако следует сопоставить их с учением Л. Н. Гумилёва: быть может, некоторые его опасные черты связаны именно с циклическими теориями? Да и вообще, насколько научен сам циклизм, не является ли он ещё одним историческим мифом?

II.6. Концы в воду, или Пенорождённые цивилизации

Был, говорит он, в древности народ, головоотяпами именуемый, и жил он далеко на севере, там, где греческие и римские историки и географы предполагали существование Гиперборейского моря.

*М. Е. Салтыков-Щедрин. История одного города
(О корени происхождения глуповцев)*

II.6.1. Атлантология

*И хотя я скажу себе тихо:
«Не бывало её никогда»,
Если спросят: «Была Атлантида?» —
Я отвечу уверенно: «Да!»
Пусть поверят историям этим,
Атлантида — ведь дело не в ней...
Разве сказки нужны только детям?
Сказки взрослым гораздо нужней!*

А. М. Городницкий. Атлантида

Нельзя не упомянуть о популярной в определённых кругах «гиперборейской» теории. Она настолько близко касается нашей темы, что заслуживает пристального внимания. Эта теория — один из вариантов атлантологии.

Что такое атлантология? Суть её в допущении, что либо всё культурное человечество, либо, по меньшей мере, его наиболее «духовная» ветвь (к которой приверженцы этой идеи относят, конечно же, свой собственный народ) — прямые потомки представителей некоей высшей цивилизации, неизвестной науке. Поэтому о ней можно утверждать всё, что угодно. Не в смысле: *что попало*, — а именно в смысле: *что НАМ угодно*. Ах, об этом нет никаких доказуемых сведений? Не страшно: концы — в воду. То есть — буквально: цивилизация эта происходит с затонувшего

валась в фазы этногенеза Л. Н. Гумилёва, «степной цикл» которого я в то время не просто читал запоем, но и полностью проконспектировал. Более того, история современной КНР укладывалась в первую и начало второй фазы тех же циклов. О Шпенглере в то время мне было негде прочесть. На XIX научную конференцию «Общество и государство в Китае» я приехал с настроением первооткрывателя.

Спасибо добрым людям: Л. С. Васильеву, позволившему вынести эти незрелые идеи на публичное обсуждение, и А. А. Бокшанину, не просто вовремя охладившему мой пыл, но и не пожалевшему целого часа своего ценнейшего времени, чтобы подробно объяснить начинающему автору недостатки его работы. Трудно представить, что бы со мной было дальше, если бы не этот своевременно данный урок.